

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ «ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ УЗБЕКИСТАНА (XIX – НАЧАЛО XX)»

**Бахтиёр
Алимджанов**

balimdjanov@gmail.com

С 2017 г., после прихода к власти президента Ш. Мирзиёева, в Узбекистане наблюдается всплеск интереса к историческому наследию, связанный с формированием элитами страны новой исторической политики. В рамках этой политики были запущены масштабные проекты по изучению исторического наследия Узбекистана. Так, в 2017 г. создан Центр по возвращению культурных ценностей из-за рубежа. Также власти профинансировали проект по составлению библиографического указателя «интеллектуального наследия» Узбекистана¹. Автор проекта проф. Д.Х. Зияева объясняет роль издания указателя как поручения государственной важности, ссылаясь на постановление Президента Республики Узбекистан от 24 мая 2017 г. (Постановление 2017). Хотя в указе упоминаются «древние» письменные источники, авто-

ры и участники проекта посчитали его весомым обоснованием для издания библиографического указателя по интеллектуальному наследию Узбекистана. К сожалению, во введении авторы не ссылаются на мировой опыт и даже не упоминают схожие работы предыдущих советских (Виткина, 1929; Виткина, 1934) и международных изданий (Biard, 2016), также непонятна методология отбора литературы и источников. Таким образом, книга-указатель не вписывается в мировую библиографическую традицию. Настораживает, что библиографические указатели

составлялись в советское время (и сейчас) профессиональными библиографами и сотрудниками крупных библиотек, а данный указатель составлен в основном сотрудниками Института истории Академии наук Республики Узбекистан, что, несомненно, повлияло на качество представленной работы.

Указатель является компилятивным и неоригинальным. Библиографический указатель делится на 5 разделов: 1) местные рукописи и литографические издания, 2) научные исследования на русском языке, 3) Туркестанский сборник, 4) периодическая печать, 5) зарубежные источники. Как видно из названия разделов, авторы слишком расширяют понятие «источник», включая в него самую разнообразную литературу. Авторы не дали определение, что такое исторический источник в интеллектуальной истории. Тем самым авторы указателя обесценивают понятие «исторический источник». Как отмечает руководитель проекта проф. Д.Х. Зияева, в «библиографический указатель по истории „интеллектуального“ наследия включено 2.223 названий исторической литературы и научных трудов, отражающих около 25 направлений науки» (с. 21).

Странно, что авторы библиографического указателя искусственно увязывают все описываемые источники с наследием исключительно Узбекистана. Известно, что во второй половине XIX века в Средней/Центральной Азии существовали Тур-

**Бахтиёр
Алимджанов**

*кандидат истори-
ческих наук, незави-
симый исследователь
(Ташкент, Узбекистан)*

1. Источники по истории интеллектуального наследия Узбекистана (XIX — начало XX). Переиздание с дополнениями. Руководитель проекта — д.и.н., проф. Д.Х. Зияева. Ташкент: Адабиёт учқуналари, 2018. 261 с. (на узб. яз.).

кестанское генерал-губернаторство, Бухарский и Хивинский эмираты. В настоящее время на этой территории находятся 5 государств: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Представляется неправомерным рассматривать все интеллектуальные богатства центральноазиатского региона как наследие только одной республики. Борьба за интеллектуальные ресурсы в этом случае обосновывается воображаемой географией и примордиалистскими притязаниями. Кроме того, непонятно, что подразумевают авторы под термином «интеллектуальное наследие». Во введении они не дают ответов на важные терминологические вопросы, ссылаясь на абстрактную формулу «значимость наследия предков в развитии общества неопределима» (с. 16). Можно выдвинуть два предположительных объяснения такому положению дел: либо авторы пытаются монополизировать историческую память, либо же перед нами попытка фундаментальной ревизии истории региона на основе новых источников. В первом случае история снова становится главным оружием в войнах памяти. Второй вариант пока что представляется неосуществимым при современном состоянии узбекистанской историографии.

Кратко рассмотрим каждый раздел. В первом разделе авторы разделили местные рукописи и литографические издания на 5 тематических подразделов (с. 30–65): 1) точные науки, 2) естественные науки, 3) общественно-гуманитарные науки, 4) медицина, 5) исламоведение. В основном названия рукописей и литографий взяты из собрания восточных рукописей (СВР) (СВР, 1952–1987), чего не отрицают и сами авторы. Авторы указателя, задним числом определяя «исламоведческий» характер источников, приписывают «местной» науке все качества европейской науки XX века. Это приводит к тому, что в методологическом плане вписывание местного доколониального знания в современный научный контекст вызывает удивление. Авторы без сомнения убеждены в возможности ввода в современный научный оборот доколониального и колониального «местного» знания. Конечно, мы должны изучать эти работы с точки зрения современной научной мысли и вписывать их в определенную современную историческую дискуссию. Само по себе доколониальное и колониальное местное знание не даст ничего для развития современной исторической науки. Авторы, к сожалению, не учитывали наработки интеллектуальной истории (например, Р. Козеллека, К. Ингерфлома и др.) и достижения современных историков в трактовке исторических источников.

Второй раздел указателя посвящен научным исследованиям на русском языке (с. 106–157), он делится тематически на 5 подразделов: 1) естественные науки, 2) общественно-гуманитарные науки, 3) научные экспедиции и путешествия, 4) статистические сведения и 5) архивные фонды научных сообществ. Непонятно, какими методами отбора источников пользовались авторы проекта. Отмечу, что не все источники в списке относятся к историческим или научным. Отсутствует критерий «научности», что приводит к тому, что составители включали всё подряд [например, с. 107]. В составлении списка источников соблюдается хронологический порядок, хотя непонятно, что это дает исследователю центральноазиатского региона. Странно, что к источникам авторы отнесли перечень названий фондов имперских научных обществ Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз) (с. 155–156). Термин «имперский» добавил я; странно, что авторы не упоминают имперский контекст «источников». Внеконтекстное толкование источника приводит к тому, что исторический источник становится «вещью в себе».

Третий раздел посвящен Туркестанскому сборнику, который хранится в Национальной библиотеке им. А. Навои в Ташкенте (с. 157–175). Этот раздел — полностью компилятивный. Из сборника авторы проекта выписывали «подряд» газетные статьи по астрономии, истории и т. д. и т. п. Непонятен принцип отбора и систематизации материала Туркестанского сборника, который состоит из 594 томов.

Четвертый раздел посвящен периодической печати (с. 176–217). Рассматриваются материалы и названия 9 газет и журналов: «Туркестанские Ведомости», «Туркестанское сельское хозяйство», «Туркистон вилоятининг газети», «Самарканд», «Садойи Туркистон», «Садойи Фарғона», «Бухорои Шариф», «Турон» и «Ойина». Нужно отметить, что Туркестанский сборник также состоял из вырезок из газет и журналов. Непонятна в этом контексте выборка газет и журналов. Пресса в Туркестанском генерал-губернаторстве была однородна, а в приведенном списке, кроме «Туркестанских Ведомостей» и узбекоязычного варианта этой официальной газеты «Туркистон вилоятининг газети», а также журнала «Туркестанское сельское хозяйство», все остальные издания являются условно джадидистскими. Некоторые из них просуществовали очень недолго, имели небольшую аудиторию и не были равнозначны друг другу. Поэтому в разделе господствует выборка статей из официального органа колониальных властей «Туркестанские Ведомости» (с. 180–194). Непонятно, почему после «Туркестанских Ведомостей» авторы не поставили выборку из «Туркистон вилоятининг газети», которая являлась узбекоязычной версией этой газеты.

Пятый раздел посвящен зарубежным источникам (с. 218–261), который делится на 4 тематических подраздела: 1) исследования на английском языке, 2) французские исследования, 3) немецкая литература и 4) китайские источники. Названия разделов, на мой взгляд, неудачные. К тому же, авторы решили дать названия работ в форме таблицы, хотя предыдущие разделы были структурированы иным способом. В отличие от предыдущих разделов, источники (в основном — научная литература) не разделены тематически, а только приведены в хронологическом порядке с указанием научного направления изданий. Я не буду разбирать принцип отбора и систематизации хаотического набора разноплановой литературы. Отмечу только, что англоязычной литературы дано в списке 122 названия, китайской — только 8. Чем обусловлена такая неравномерность выборки, объяснить трудно.

Авторы не проблематизировали понятие «интеллектуальное наследие», учитывая достижения современных историков и философов по данному вопросу. То есть в теоретическом плане тексты не «деконструированы/реконструированы» и не вписываются ни в одну из известных теорий или концепций, из-за чего снижается эвристичность исторического материала. В современной исторической науке интеллектуальное наследие рассматривается в связи с категориями преемственности и разрыва. Позволю себе предположить, что составители библиографии исходили из категории преемственности, игнорируя разрывы. Однако у авторов категория преемственности неисторична, она «застыла» между доколониальным и колониальным знанием. В этом случае невозможно найти тот «разрыв» (или «разрывы»), который дает право колониальному знанию стать «наследием». Если переиначить слова известного историка К. Ингерфлома, авторы должны были искать ответ на вопрос: возможно ли переосмыслить историю «интеллектуального наследия» вне/за рамками категорий преемственности/разрыва? (Ингерфлом, 2018, с. 171–204) Думаю, именно в этом ключе нужно было составлять указатели «интеллектуального наследия».

К сожалению, авторы не использовали уже готовые наработки С. Горшениной (Горшенина, 2007, с. 291–355) в области анализа колониальных архивов и формирования имперского знания о Другом. С. Горшенина проблематизирует процесс создания «интеллектуального наследия» Туркестана, рассматривая его через призму отношений «власть — знание», и находит именно тот момент разрыва между доколониальным и колониальным знанием, который сделал возможным имперское господство в Центральной Азии. Не углубляясь в теоретические рассуждения, отмечу только, что составители указателя не создали пространство для исторического контекста. Авторы, скорее всего, опираются на советский позитивистский тезис о том, что документы говорят сами за себя. Осознанное или неосознанное игнорирование авторами проекта современных историографических теорий лишает этот библиографический указатель полезности для историков или для других пользователей.

Отмечу, что в тексте повсеместно встречаются стилистические и грамматические ошибки, а также опечатки, что не делает чести составителям указателя. Непонятно, кому адресован этот библиографический указатель, ибо профессионал не будет использовать этот «опус», а обычный читатель не поймет хаотический принцип организации материала. На мой взгляд, данный труд не достигает поставленной цели создания целостного (или хотя бы частичного) понимания интеллектуального наследия Узбекистана.

БИБЛИОГРАФИЯ

Biard A. (2016). Bibliography. Religion in Central Asia (Tsarist Period to 2016). CAP Papers 169. CERIA Series. 38 p. <https://app.box.com/s/1100kjc9nade9f6empenhejyaty51ej>.

Виткинд Н.Я. (1929). Библиография по Средней Азии: Указатель литературы по колониальной политике царизма в Средней Азии. Под ред. А.В. Шестакова. Москва: Комм. ун-т трудящихся востока им. И.В. Сталина.

Виткинд Н.Я. (1934). Материалы к библиографии истории гражданской войны на Советском Востоке. Москва: Науч.-исслед. ассоц. по изучению нац. и колониальных проблем.

Горшенина С. (2007). Крупнейшие проекты колониальных архивов России: утопичность тотальной туркестаники генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана. *Ab Imperio*. № 3, с. 291–355.

Ингерфлом К.С. (2018). Как осмыслить перемены, не пользуясь категориями разрыва и преемственности: герменевтический взгляд на революцию 1917 г. в свете истории понятий. *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. № 3, с. 171–204.

Постановление Президента Республики Узбекистан от 24 мая 2017 г. за № ПП-2995 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы хранения, исследования и распространения древних письменных источников». [URL]: <http://lex.uz/docs/3211984>.

Собрание восточных рукописей Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз. Тт. 1–11. Ташкент, 1952–1987 гг.

REFERENCES

Biard A. (2016). Bibliography. Religion in Central Asia (Tsarist Period to 2016). CAP Papers 169. CERIA Series.

Collection of Oriental Manuscripts of the Institute of Oriental Studies. Abu Rayhan Beruni AN RUz. Vols. 1–11. Tashkent, 1952–1987 (in Russian).

Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated May 24, 2017, no. PP-2995 “On measures to further improve the system of storage, research and distribution of ancient written sources.” <http://lex.uz/docs/3211984> (in Russian).

Gorshenina S. (2007). The largest projects of the colonial archives of Russia: the utopianism of the total Turkestanian of Governor General K.P. von Kaufman, *Ab Imperio*, No. 3, pp. 291–355 (in Russian).

Ingerflom K.S. (2018). How to comprehend changes without using the categories of discontinuity and continuity: a hermeneutic view of the 1917 revolution in the light of the history of concepts, *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, No. 3, pp. 171–204 (in Russian).

Witkind N.Ya. (1929). Bibliography on Central Asia: Index of literature on the colonial policy of tsarism in Central Asia. Ed. A.V. Shestakov. Moscow: Communist University of workers of the East under name I.V. Stalin (in Russian).

Witkind N.Ya. (1934). Materials for the bibliography of the history of the civil war in the Soviet East. Moscow: Scientific Research assoc. for the study of national and colonial problems (in Russian).